

Пролог

Я брёл по тёмной аллее, зло матерясь и пиная попадающий под ноги мусор. Левый глаз опух и заплыл, тело шатало из стороны в сторону, конечности заплетались, дурная голова гудела от принятого на грудь алкоголя.

Да уж, корпоративчик сегодня явно не задался.

Хотя поначалу всё шло очень даже неплохо.

Сначала босс приказал всем налить и произнёс почувствованную речь. Мы восприняли её с энтузиазмом, похлопали, поулюлюкали, потом подняли бокалы и дружно выпили: дамы — шампанское, мужики — водку. Потом снова выпили. Потом с речами и тостами начали выступать и другие члены нашего маленького коллектива. Потом все повалили на улицу запускать фейерверк. Потом кто-то врубил на компе музон, и начались танцы-шманцы. Затем рекламщица Машка потащила меня в комнату с образцами, якобы чтобы показать какую-то новую супер-пуперпродукцию от поставщиков, но, когда мы там очутились, вместо «показа» принялась нести пьяную ахинею о своём бывшем муже, какой он козёл и вообще.

Я понял её абсолютно правильно. Вспомнив, как когда-то на срочной прапорщик Пилипчук травил байки, как он служил в ЗГВ и драл по «системе радиатор» всех местных немок, я (строго по классике) ухватил нашу Машку за ляжку, быстро (она даже пискнуть не успела) посадил на чугунную батарею (благо они летом холодные), задрал ей юбку и — понеслось.

Всё бы ничего, но в самом финале в комнату (ага — совершенно случайно) заглянул экспедитор Петруха. О том, что он с давних пор клеился к Машке, но всякий раз получал от ворот поворот, не знал в нашей фирме только ленивый. И тут — бац! — такой конфуз. Короче, не дал мне, гад, закончить процесс.

На шум драки сбежались, наверное, все, кто ещё стоял на ногах и хоть что-то соображал.

Дама к этому времени уже успела слинять, так что причину конфликта выяснить по горячим следам они не смогли. Петруха вовсю орал, что я теперь не жилец и он меня всё одно прикончит, я обещал, что сам его грохну, нас пытались разнять, возглавлял это действие шеф... Словом, бардак получился знатный. А главным виновником безобразия назначили почему-то меня.

То ли из-за того, что я был на полголовы выше ревнивца Петрухи, то ли, что шефу по ходу разборок нечаянно зарядил, а может быть, просто потому что водка закончилась, а отправленный в гастроном гонец канул в неизвестность вместе с деньгами...

В любом случае мне пообещали: «а» — набить морду, «б» — оштрафовать, «в» — уволить, «г» — отправить в Биробиджан, «д» — заставить сожрать заблёванный неизвестно кем галстук главбуха, «е»...

Дальше я не дослушал. Сказал, что ноги моей в этом гомосячем царстве больше не будет, и смертельно обиженный, удалился. Вывалился на улицу и пошёл куда глаза глядят. А какой может быть спрос с пьяных глаз? Да никакого. С ними, как правило, ничего путного не выходит...

Как я попал в этот заброшенный парк, неизвестно, но заблудиться в нём оказалось проще простого. Дорожки, густые деревья, аллеи, кусты, скамейки, еле горящие фонари. И, как назло, ни одного человека. Даже спросить, блин, не у кого, и телефон, как на грех, где-то посеял: то ли в конторе забыл, то ли уже на улице выронил в «режиме автопилота».

Короче, иду, грущу, матерюсь. Вокруг — красота. Ночь, звёзды, «цикады» стрекочут, ветер шуршит листво́й... комары возле уха жужжат, кровушки, сволочи, просят...

Откуда передо мной появился этот придурок, я так и не понял.

Типичный такой петушара: розовые брючки в цветочек, кожаный жилетик со стразами прямо на голое тельце, фуражка дурацкая...

Подходит, вихляя коленцами, и нагло так:

«Мужик, закурить не найдётся?»

А я ему:

«А ты, падла, случаем не голубой?»

Ух! Как его расколбасило! Аж в драку полез.

Ну, я ему с разворота в табло ка-ак вмажу...

Метра на три улетел. Башка под скамейкой, ножками дрыгает, встать не может, визжит, словно баба...

Думал ещё по рёбрам ему ботинком заехать, да не успел.

Из-за кустов ещё пять таких же, гомосячьей наружности, выпрыгнули и — на меня.

Первого я кое-как отоварил, второго вроде бы тоже, а потом в голове что-то вдруг взорвалось и...

Словом, когда очнулся, этих уродов поблизости уже не было, как не было и ночного парка, и комаров, и даже одежды. Лежу, понимаешь, голый, как эмбрион, на холодном металле и... Стоп! Металл-то откуда здесь взялся?.. И ещё этот гул идиотский, как будто на самолёте летишь...

* * *

Ступор продолжался недолго. Меня ткнули чем-то в бочину, затем прямо перед глазами появились чьи-то жутко волосатые ноги. Ну, прямо хоббит какой-то.

— Очухался? А ну, поднимайся, вонючка.

«Что?! Кого ты вонючкой назвал, фуфел?»

Мгновенно подскакивать из положения лёжа меня научили давно, ещё пацаном, когда от собственной резвости зависело многое — двор у нас был гадюшный, маменькины сыночки там не выживали.

Резко подпрыгнув, я с ходу подбил ногу мохнатого и тут же без разговоров засандалил ему коленом промеж конечностей. Противник предсказуемо скрючился и, тонко попискивая, рухнул на пол.

Увы, на этом все мои достижения и успехи закончились.

Я даже не смог заметить, откуда мне прилетело.

Мир снова погас, сознание опять отключилось.

Следующее пробуждение оказалось неприятнее предыдущего.

На этот раз я ощутил себя подвешенным к потолку за руки за ноги и неимоверно выгнутым, словно гимнастка из американской сборной, страдающая синдромом гиперактивности и дефицита внимания.

Впрочем, вру. С последним погорячился. Чем-чем, а дефицитом внимания я был сейчас не обижен. Сразу четверо «хоббитов»-переростков стояли передо мной и с интересом рассматривали мою голую тушку.

Взгляд одного из них мне совсем не понравился. Понятно, почему. Именно этого пришлось давеча угостить по... Ну да, бубенчики-то у пацана, чай, не казённые...

— Ты нарушил контракт и будешь наказан, — проверещал обиженный.

В ту же секунду меня как будто скрутило в тугой канат, а после расплющило, как болванку под прессом, превратив в плоскую, ничего не соображающую амёбу под микроскопом исследователя.

Боль была просто адская. А когда она наконец отступила, я почувствовал себя разрезанным пополам дождевым червяком, которого насадили на рыболовный крю-

чок, но потом неожиданно сняли и бросили обратно в банку, оставив для следующей поклёвки.

Перед глазами расплывалась кровавая муть, из носа и изо рта что-то текло, и я подозревал, что не только из них. Запах, по крайней мере, вокруг стоял тот ещё.

— Какой ещё... нах... контракт?

Слова вываливались из меня, словно камни, и вместе с ними я будто по капле терял невидимую и неосязаемую для обычных людей жизненную энергию.

— Вот этот, — сунули мне под нос какую-то бумаженцию.

Кое-как сфокусировав зрение, я попытался прочесть «документ».

Хрена лысого! Язык был мне незнаком. Какая-то беллиберда из чёрточек и закорючек, и ни одного привычного символа. Даже китайцы, мать вашу, писали понятнее.

В сознание неожиданно начал заползать страх. Неужели... белочка?!

Да, абстинентный синдром — штука коварная. Психозы и глюки при нём — обычное дело.

Хотя... почему обязательно глюки?

Я же всё-таки не алкоголик.

Выпить могу. Могу даже много выпить. Но без запоев.

И что это значит?

Я что, блин, действительно не на Земле?

Последний вопрос заставил задуматься и заново присмотреться к тому, что меня окружало.

Рожи мохнатоногих выглядели и впрямь не совсем человеческими, хотя и весьма похожими. Примерно как у каких-нибудь аборигенов-островитян с картинок времён Магеллана и Кука. Одежда? Ну, сейчас даже шкурой мамонта никого особо не удивишь. Обычное самовыражение и ничего больше.

Пол из металла тоже диковинкой не являлся. Но зато стены... а ещё потолок... и свет, льющийся непонятно откуда... Всё это напоминало хорошо сделанную голограмму.

Впрочем, наука на месте сейчас не стоит. Кто знает, что там ещё навывдумывали китайцы с американцами, чтобы запудрить народу мозги до полного и окончательного опупения.

Короче, единственным доказательством инопланетности обстановки и ситуации оставался язык. Только не письменный, который ни фи́га не понятен, а разговорный. Ведь говорил я со своими тюремщиками отнюдь не на русском... А на каком?

«Піджин-галакто», — всплыло внезапно в сознании.

— Тут нет моей подписи, — пробурчал я, кивая на «договор».

— А подпись и не нужна, — ухмыльнулся мохнатый. — Отпечатка большого пальца достаточно...

— Чего?! Ах ты ж, скотина чужинская! Воспользовался моим состоянием, чтобы...

— А кроме отпечатка у нас есть и видеоподтверждение, — невозмутимо продолжил инопланетный мошенник.

В его руках появилась небольшая коробочка, и через миг прямо над ней возник виртуальный экран. С экрана на меня пялилась моя же пьяная рожа.

«Империя?! Да! Я всегда был готов служить настоящей империи, а не этим обоссанным демократиям типа... Что? Конечно! Защищать её с оружием в руках — это священный долг каждого...»

— Вот видишь, ты сам изъявил желание служить Великой Империи и сам, добровольно, поставил на контракте свой отпечаток.

«Хоббит» глумливо оскалился и повернулся к собрату:

— Рекрутинг закончен, этот последний.

— Летим на Октавию, командор?

— Да. А этого в заморозку. Пусть поостынет.

Все четверо противно заржали...

Часть первая

ИМПЕРСКИЙ ДЕСАНТНИК

В рубке, висящей на «стационаре» космической станции, расположились двое. Один — рослый, плечистый, подтянутый. Военный мундир сидел на нём как влитой. Второй — явно гражданский, в мятом сером костюме, сутулый, с бегающими глазками и «лишней» растительностью на лице...

Разговор у них не то чтобы совершенно не клеился... Собеседники были, скорее, раздражены друг другом, но каждый при этом считал правым только себя.

— Послушайте, Шлупень...

— Командор Шлупень, — вкрадчиво заметил гражданский.

— Да какая разница?! Хоть маршалом обзовитесь, здесь это не имеет значения.

— Я знаю, селёнец.

— Ну а раз знаете, так и давайте не отходить от темы.

— Я и не отхожу, селёнец. Сейчас отходите вы.

Рослый скрипнул зубами, но спорить не стал.

— Ладно. Вернёмся к теме. Сколько вы требуете за товар?

Визави почесал клочковатую бороду, потом придвинул к себе лежащий на столе бумажный листок и вывел на нём несколько цифр.

Брови военного поползли вверх.

— Да вы там совсем охренели?! Это же половина рекрутского бюджета! На что мне прикажете остальных нанимать?

— Затребуете новых ассигнований, перекинете на следующую centaду, не мне вас учить, сел бригадир, — пожал плечами командор Шлупень. — Вы же прекрасно видите, какой у товара профиль. Да с таким профилем, не будь мы партнёрами, я бы запросил у вас втрое больше.

— Где вы их взяли, Шлупень? — хмуро бросил военный.

— Командор Шлу...

— Хватит паясничать! — рявкнул хозяин рубки.

Его эскапада впечатления на гостя не произвела.

— Ну, если вы не хотите их брать... — гражданский развёл руками и сделал вид, что собирается встать.

— Подождите. Дайте ещё раз взглянуть, — пошёл на попятную бригадир.

— Пожалуйста.

Гость щёлкнул пультом, в воздухе появился виртуальный экран.

— Помойка... помойка... помойка... — поочерёдно тыкал пальцем военный в строчки-иконки. — Так, а это что за планета?

Гражданский скривился.

— Такая дыра, вам скажу. Прямо возле барьера, её даже в общем перечне нет. Штурман-балбес напутал с поправками, вот нас туда и вынесло. Чуть было под скрут не попали.

— Перспективная? — заинтересовался партнёр.

— Не думаю, — покачал головой Шлупень. — Искин подсчитал для них индекс торговли и инвестиций. Так вот, он там на уровне «десять минус», то есть фактически мусорный. В Лигу запрос мы отправили, но если планета в перечне и найдётся, то только в разделе Б.

— Устойчивая двусторонняя маршрутизация невозможна? — понимающе усмехнулся военный.

— Именно так. Разрабатывать такую бессмысленно, даже в качестве рудника. Возле барьера любая звезда, любое небесное тело ведут себя непредсказуемо. Смещения,

флуктуации, может и за барьер затянуть, а потом выбро-сит неизвестно где. Век ищи, не найдёшь.

— Но вам повезло. Вы на неё наткнулись.

— Повезло — это сильно сказано. Слава богу, что ноги из этой дыры унесли.

— Что это вы про бога вдруг вспомнили? Вы же не-верующий.

— Возле барьера поверишь во что угодно, лишь бы убраться оттуда. Одного только топлива тысяч на два-дцать сожгли. Хорошо хоть, что экземпляра на поверхно-сти интересный попался. Всё-таки не с пустыми руками лететь, и то хлеб.

— Да, экземпляр неплохой, — кивнул собеседник.

— Другие тоже не хуже.

— И это верно.

— Ну... тогда по рукам?

— Ладно. Уговорили, — нехотя согласился воен-ный. — Но всё равно, без скидки ваш договор финики не пропустят. Двадцать процентов, не меньше.

— Десять, селенц, — быстро ответил торговец.

Партнёр посмотрел на него, чуть прищурясь. Шлу-пень оттопырил три пальца на левой руке.

«Три процента отката... на такой сумме... вместо обыч-ных двух...»

— Договорились, — наклонил голову бригадир...

* * *

«Ненавижу армию!» — эту фразу в течение последне-го месяца я повторял едва ли не ежечасно.

Хотя в более широком смысле к «армии вообще» моя ненависть не относилась. В российской служилось впло-не нормально, потом даже вспоминал с благодарностью. Эта же больше напоминала адскую мясорубку для несо-стоявшихся грешников. Все издевались над всеми, при-

чём так изощрённо, что вырваться из этого порочного круга не смог бы даже какой-нибудь Шварценеггер с танковым пулемётом вместо обычной винтовки.

Муштра — хуже, чем в Пруссии времён Фридриха. Наказания — суровее, чем в королевском английском флоте века эдак семнадцатого. Спесь — покруче, чем у французских герцогов и маркизов эпохи «проклятых королей». И всё это было заполировано уголовной «романтикой» зоны усиленного режима с кумом-начальником, воровскими понятиями и крысами-стукачами.

«Безмозглая деревенщина» являлось, наверное, самым ласковым из обращений офицеров учебки к рядовому составу. Сержанты с капрами выражались не так изысканно, зато доходчиво.

— А ну, шевелись, очкодралы! — подбадривал новобранцев мастер-сержант Бамбёр, когда мы толпой, ещё не продрав глаза после короткого сна, неслись к плацу на построение. Отставшим полагалось по пять ударов магнитной плёткой-трёххвосткой, всем остальным — кому как повезёт...

— Жду не дождусь, когда вы, наконец, сдохнете! — напутствовал нас штаб-капрал Блок перед выдвижением на стрельбище. — Таких говённых солдат я ещё не встречал. Даже тварюги с Канабии так не воняют...

— Вперёд, мразь! Давай, гнида! Дристуи, засранец! — раздавал пинки младший уоррент Бульдён, когда умотанные вхлам рекруты в полной экипировке отработывали дцатую в этот день высадку из десантного бота...

Плюнуть бы в рожи тем, кто на голубом глазу утверждал, что, мол, каждый контрактник настолько дорого обходится обществу, что относиться к этому дорогому ресурсу надо аккуратно и бережно, как к драгоценной вазе, которую если и стоит разбить, то лишь по действительно важному поводу.

Хрена вам во всю харю, господа социологи! На контрактников армии Великой Империи Бохав их нанимате-

ли смотрели, как на дерьмо в сортире. Булькают, чвакают, втягивают в себя всякую гниль, а если внезапно подохнут, то и хрен с ними. Бабы других наро... эээ... торговцы из Лиги новых по всяким помойкам насобирают. Звёзд во вселенной как грязи. Планет, населённых дебилами, готовыми умирать за похлёбку из концентрата, тоже хватает. Поэтому зачем напрягаться?

Боевого оружия рекрутам, ясен пень, не давали. Манёвры, стрельбу и драки отрабатывали на имитаторах. Кстати, выходило довольно реалистично. Синяки и шишки, по крайней мере, я получал всамделишные. А ещё шрамы по всему телу от плёток сержантов. Одна радость, раны залечивали достаточно быстро. Медпомощь в имперской армии была явно лучше, чем на Земле. Правда, оказывали её только по разрешению командира. И если тот полагал, что «этому и вот этому» она не положена, то «вот этот и этот» оставались со своими проблемами один на один и чаще всего — до конца.

В начале учёбы наша рота состояла из 147 новобранцев, в конце — из 104. Одиннадцать не вынесли затяжных марш-бросков, семь утонули при форсировании водных преград, восемь разбились во время учебного десантирования, пятеро получили несовместимые с жизнью повреждения в спаррингах-рукопашках, ещё дюжину по-тихому придушили свои же, прямо в казарме — кого за крысятничество, кого за стукачество, а кого просто так, потому что рожей не вышел. Виновных, естественно, не нашли, а вероятней всего, вообще не искали. Такие здесь были традиции.

За пять недель непрерывного ада ни с кем из рекрутов я не закорешился. Во-первых, потому что «дедушке» Российской армии не к лицу признавать себя таким же, как все, салабоном, а во-вторых, просто не было смысла. Принцип «каждый сам за себя» вбивался тут прямо в подкорку и слегка корректировался только во время групповых действий. Однако и там главным считалось